

Выводы

В XVI в. в Кижском погосте оформляется тот круг престольных посвящений и соответственно престольных праздников, который будет характерен для погоста и в дальнейшем, но с немаловажной и показательной «поправкой» — более быстрым распространением Никольских престольных праздников. В остальном циклы Спасских, Богородичных, Ильинских и Петропавловских престольных праздников останутся сбалансированными между собой (по количеству), несмотря на весьма интенсивный процесс образования в погосте все новых и новых полноценных волостей с церковными приходами. Монастырское почитание св. Троицы не получило в Кижском погосте распространения в качестве престольного праздника мирян. К середине XVIII в. Кижский погост пришел к церковно-приходскому принципу: 1 волость — 1 церковь — 1 приход — 1 престол. Данное структурное сопряжение волостного и церковно-приходского деления удержалось и к концу XVIII в. Несмотря на включение в состав погоста волостей из расформированного в первой четверти XVIII в. Толвуйского погоста, обширный Кижский погост демонстрирует количественную сбалансированность посвящений престолов церквей (и своих главных престольных праздников), достигнутую уже в середине XVII в.: св. Николая, Спасские, Богородичные, Ильинский, Петропавловский праздники. Новация того же времени — появление престольного праздника влмц. Варвары, довольно редкая в Заонежских погостах Варварьинская церковь сохранилась и к середине XVIII в. Но по-прежнему самым «популярным» на местах было посвящение церковных престолов св. Николаю.

К.Е. Коренова

НИЖЕГОРОДСКИЕ СВЯЩЕННИКИ — СОБИРАТЕЛИ ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

В последние годы неоднократно высказывалась мысль о том, что русские священники сыграли выдающуюся роль в собирании памятников народной культуры [Розов 2003: 11; Смолицкий 2004: 7]. К сожалению, эта мысль пока еще не нашла должного подкрепления исследованием конкретного материала, хотя первые шаги в этом направлении уже сде-

ланы. Так, переизданы, а частично опубликованы впервые материалы, собранные тремя русскими священниками: Е.А. Фаворским, протоиереем церкви в с. Павлове Нижегородской губернии, которому посчастливилось записать здесь прекрасно сохранившиеся былины, П.А. Флоренским, ученым, православным философом, и А.Н. Соболевым, магистрантом Московской духовной академии [Смолицкий, Кулагина 2004]. Но в то же время масса материала, собранного рядовыми священниками по всей России, остается еще без должной научной оценки, не написана история создания их собраний, во многом не опубликованы их материалы, да и имена этих священников-собирателей ничего не говорят современным исследователям.

В данной статье делается попытка раскрыть собирательскую деятельность священников Нижегородской губернии во второй половине XIX — начале XX в. О некоторых из них упоминается в очерке В.М. Потявина, посвященном собиранию и изучению фольклора Нижегородского Поволжья в XIX в. [Потявин 1960], но предметом специального рассмотрения их деятельность пока не становилась.

Собирание фольклорно-этнографических материалов в Нижегородской губернии, как и по всей России, развернулось широко в конце 40-х годах XIX в. и было связано с деятельностью Русского географического общества. Совершенно справедливо пишет А.И. Розов: «С момента организации Русского географического общества его анкеты, вопросники, программы, распространяясь по стране, доходили до сельских служителей церкви. Именно они становились основными информаторами РГО, собирая местные этнографические, фольклорные, историко-краеведческие и другие материалы» [Розов 2003: 27]. Так было и в Нижегородской губернии. Среди нижегородских корреспондентов РГО (а их насчитывается более 100) было только два помещика [Зеленин 1915: № 59, 89], три станowych пристава [Там же. № 2, 60], один исправник [Там же. № 55], все остальные — священники или люди духовного звания, как, например, иеромонах Макарий, профессор Духовной семинарии.

В конце 1840-х — начале 1850-х годов, когда собирательская работа на местах по всей России только развертывалась, отличие ее в Нижегородской губернии выразилось лишь в размахе. В материалах, присланных в РГО из Нижегородской губернии, названы фамилии более 50 священников. И это далеко не полный список, так как в архиве имеется еще около 40 рукописей, присланных без подписи, и есть все основания, судя по содержанию и другим фактам, считать их авторами тоже священников. Несколько рукописей носят сводный характер, и за автором, приславшим свод, стоит несколько собирателей.

Чем же объясняется особая активность нижегородцев? Вероятно, тем, что здесь ко времени развертывания работ РГО существовал повышенный интерес к истории края и была готовность заниматься сбором соответствующего материала, даже был накоплен в этой деятельности некоторый опыт. Интерес был сформирован прежде всего местной печатью — «Нижегородскими губернскими ведомостями» (НГВ), редактором которых в 1845–1850 гг. был П.П. Мельников (Печерский). Пристрастие газеты к истории края он выразил в обращении к читателям в первом же редактируемом им номере: «С любовью, которую имеет взрослый человек к памятникам своего детства, мы станем перебирать запыленные страницы древних хартий и извлекать из них черты общественной и частной жизни наших предков. С жаркой любовью к старине мы будем в холодные мертвенные буквы полуистлевших бумаг влагать душу живую. И если от этого душа читателя проникнется духом русской народности, если его сердце будет сильнее биться при чтении статей о временах давнопрошедших, мы стократ будем вознаграждены за свой труд» [НГВ. 1845. 5 янв. № 1: 1–2]. Исследование местного края в историческом освещении составило главнейшую задачу редакции.

Кроме П.П. Мельникова, в формировании интереса к историческому прошлому и народной культуре края определенную роль сыграл протоиерей, проф. Нижегородской духовной семинарии Макарий (Миролюбов). Николай Миролюбов, рязанец по происхождению, прибыл в Нижний Новгород в 1842 г. после окончания Московской духовной академии и защиты магистерской диссертации, назначенный в семинарию для преподавания ряда дисциплин. Вскоре (1846 г.) он примет монашество и станет иеромонахом Макарием. Под этим именем он будет известен затем как православный историк, писатель, ректор двух духовных семинарий, в разные годы своей жизни он возглавит несколько епархий. В Нижнем Новгороде, попав в атмосферу живейшего интереса к историческому прошлому края, проф. Макарий включился в работу по изучению церковных древностей, истории монастырей и храмов, через сеть корреспондентов из сельских священников он собирал материал по народным религиозным воззрениям и попутно по фольклору. Собранный материал он отправлял в РГО, где за активную деятельность был избран членом-сотрудником.

Проф. Макарием была составлена программа для сбора исторических сведений и с одобрения архиепископа Иакова разослана по всем приходам и церквям, о чем сообщается в приписке к одной из рукописей

Макария, хранящихся в архиве РГО [Зеленин 1915: № 92]¹. Д.К. Зеленин предполагал, что имеющиеся в Архиве рукописи по истории храмов (их около 40) являются ответами на программу проф. Макария [Там же. № 92]. Рукописи в большинстве своем присланы без подписи авторов и не датированы. Д.К. Зеленин предположительно относил их к 1850-м годам («Писано, вероятно, в 1850-х годах»), но одна из них [Там же. № 6] имеет более точную дату — 1848 г. Поскольку ответы на программу составлялись фактически в одно время, этим годом можно датировать и остальные. Датировка косвенно подтверждается сведениями, содержащимися в упомянутой приписке, о том, что описания городов Нижегородской губернии, составленные «согласно с этой программой», были напечатаны в НГВ в 1849 и первой половине 1850 гг. [Там же. № 92]².

Текст программы проф. Макария не обнаружен, но, судя по содержанию ответов, она включала вопросы о местоположении села, его владельцев, храме и его истории и местных достопримечательностях. Последнее некоторые корреспонденты понимали как достопримечательности природные и сообщали об урочищах, буграх-«марах», озере, провале, остатках дубового леса, пронесшейся буре и т.п. Другие достопримечательностью сочли знаменательные события, затронувшие село, и сообщали о пугачевщине, бунте крестьян и убийстве управляющего и т.п. Вероятно, в программе предлагалось приложить план селения и рисунок храма, что многие составители описания и сделали [Там же. № 6, 23–25, 30, 32, 35–37, 39 и др.].

Программа проф. Макария, таким образом, своим содержанием не пересекалась с этнографической программой РГО, распространяемой в 1848–1849 гг. Скорей всего, она создавалась независимо от нее и, возможно, даже до нее. В целом программа была в русле тех историко-краеведческих очерков, что публиковались в Нижегородских губернских ведомостях до 1848 г. [Мельников 1845; Пискарев 1846 и др.].

Д.К. Зеленин предполагал, что программа содержала и вопросы о суевериях. По поводу упоминаемой уже приписки он писал: «Заметка <...> проливает свет на происхождение ряда описанных нами выше и ниже рукописей с сведениями о сельских храмах и *суевериях*» (курсив мой. — К.К.) [Зеленин 1915: № 92]. Анализ ответов не подтверждает это

¹ Известный собиратель древностей А.А. Титов, публикуя «Статистическое описание церквей г. Арзамаса» протоиерея И. Сахарова, составленное по программе, называет ее «предписанием» епископа Иакова [Статистическое описание церквей г. Арзамаса 1888]. Возможно, программа проф. Макария шла от лица епископа.

² А.А. Титов называет точную дату рассылки программы — 22 октября 1848 г. [Статистическое описание церквей г. Арзамаса 1888].

предположение. Программа не содержала вопросов о местных обычаях, обрядах, фольклоре, но, излагая историю селения, некоторые авторы попутно приводили ценные сведения фольклорно-этнографического характера, например об этническом составе населения, упоминали предания, легендарный материал. Например, в описании с. Кочкурова сообщается, что в нем раньше проживала мордва, но она ушла в Симбирскую губернию, основав там одноименное селение [Там же. № 6], мордва как предшественница русских называется в описании с. Шарголи Нижегородского уезда [Там же. № 25]. В описании с. Покров Сергачского уезда упоминается о «нехристи», «неруси» как первопоселенцах [Там же. № 23].

В приводимых преданиях нашли отражения помещичьи переселения крестьян, характерные для юга губернии. Так, сообщается, что жители одной из улиц в с. Шарголи считаются рязанцами, привезенными сюда помещиком [Там же. № 25]. С. Архангельское Сергачского уезда считается заселенным вторично крестьянами соседних деревень после того, как за убийство управляющего помещик отправил местных крестьян в Сибирь [Там же. № 20]. Отражается в преданиях захват крестьянами свободных земель: с. Туманово Арзамасского уезда будто бы основано беглецами из с. Водоватово того же уезда [Там же. № 33], а Гари — выходцами из с. Атемасово и Кужендеево Ардатовского уезда [Там же. № 34]. Представлены в описаниях топонимические предания, в которых, как правило, название производится от имени первопоселенца: Таможниково в Нижегородском уезде будто бы названо по имени крестьянина Таможки, имевшего когда-то на месте села пчельник [Там же. № 39], с. Шпилево — по прозвищу (Шпиль) поселившего здесь первым мужика [Там же. № 41].

Ответы на программу иеромонаха Макария были получены из всех уездов губернии, более того — из нескольких селений каждого уезда. Например, в РГО поступили рукописи из шести сел Сергачского уезда, шести — из Княгининского, пяти — из Макарьевского. Активность священников отчасти объясняется тем, что программа воспринималась как «предписание»¹. Но каковы бы ни были обстоятельства составления описаний, благодаря программе проф. Макария к собирательской историко-краеведческой работе приобщился широкий круг нижегородских священников².

¹ Заметим, что священники, составившие описание храмов по программе проф. Макария, как правило, не участвовали в сборе сведений по программе РГО, вероятно, считая «предписание» уже выполненным.

² Некоторые материалы, в основном касающиеся истории городов [Балахна 1849; Город Василь 1850 и др.], были переданы затем Мельникову для публикации в НГВ, остальные отправлены в РГО, вероятно, проф. Макарием.

Деятельность иеромонаха Макария как собирателя краеведческих материалов не ограничилась сбором сведений по истории сел и храмов. Его интересовали также крестьянские «религиозные обычаи», «суеверия и предрассудки», как формулировал он сам сферу своих интересов. В предисловии к одной из рукописей он пояснял, что цель сбора этих сведений сводилась к тому, чтобы познакомить с местными суевериями воспитанников духовной семинарии [Там же. № 97], т.е. подготовить их к тому, с чем они столкнутся на месте будущей работы.

В архиве РГО хранится несколько рукописей проф. Макария, представляющих собой поуездное описание «суеверий» и «религиозных обычаев»: «Этнографические записки о религии жителей Балахнинского уезда» [Там же. № 71], «Религиозные обычаи и суеверия в Горбатове и Княгинине с их уездами» [Там же. № 98]; «Этнографические записки о жителях города Семенова и его уезда» [Там же. № 78], а также написанная на их основе обобщающая работа «О религиозных обычаях и предрассудках в Нижегородской губернии» [Там же. № 97]. Его поуездные описания явно носят сводный характер и основываются на более конкретных материалах, относящихся к отдельным селениям или приходам, сделанным, вероятно, сельскими священниками.

Возникает вопрос о том, чем руководствовались непосредственные собиратели. Можно предположить, что, кроме программы по истории сел и храмов, была составлена и разослана еще одна программа — о религиозных обычаях. Но более вероятно другое. Сельские священники, получив программу РГО из консистории, воспринимали ее опять же как «предписание», своего рода директиву. Не случайно некоторые описания имеют подписи всего причта. Поэтому, составив описание, некоторые отправляли его непосредственно своему начальству — в консисторию, возможно, на имя человека, который занимался рассылкой программ. Есть подтверждающий пример: описание, выполненное свящ. Василием Райковским, в «преуведомлении» имеет адресат: «Нижегородского Благовещенского собора протоиерею и кавалеру Павлу Лебедеву» [Там же. № 93]. Часть материалов, оказавшихся таким образом в консистории, могла быть передана проф. Макарию, а он систематизировал все по содержанию (лингвистический, фольклорно-этнографический), темам или жанрам (верования; песни; загадки и пословицы; предания об Иване Грозном и т.п.). Так появились перечисленные выше его рукописи с материалами «религиозных обычаев» и «суеверий», а также «Собрание пословиц и загадок...» [Там же. № 91], «Собрание русских песен...» [Там же. № 86]. Отдельно были выделены материалы о говорах, имеющиеся в описаниях, составленных по программе РГО: «Этнографиче-

ские разговоры в Горбатовском уезде» [Там же. № 99] и «Этнографические разговоры в Нижегородском уезде» [Там же. № 100].

Все работы проф. Макария, являясь сводами, содержат обширный материал, конечно, превышающий тот, что имеется в описаниях, сделанных священниками-собирающими по отдельным селениям. Его «Собрание песен...» содержит, например, только хороводно-игровых песен — 53, свадебных — 23, кроме того, есть еще немного песен, обозначенных как «употребляемые в пирах и компаниях и в других случаях веселия». В собрании пословиц и загадок 233 текста, и особо богата материалом обобщающая рукопись «О религиозных обычаях и предрасудках в Нижегородской губ.» [Там же. № 97]: в ней более 260 текстов (приметы, поверья, заговоры, описание ритуалов, запреты разного рода, христианские легенды и пр.).

К сожалению, проф. Макарий, систематизируя материал, не давал его географических привязок ни к селениям в поездных описаниях, ни даже к уездам в описаниях общегубернских, что затрудняет или даже исключает возможность использования этих материалов при исследовании локальных традиций внутри Нижегородского региона. К тому же он не сохранил фамилий собирателей¹, утрачены и первичные описания, использованные им. В этой ситуации особую ценность приобретают имеющиеся в архиве РГО записи самих священников.

Как уже было сказано выше, по данным архива РГО восстанавливаются фамилии более 50 нижегородских корреспондентов-священников, откликнувшихся на призыв РГО и приславших свои этнографические описания. Это люди разного возраста, но сходных биографий²: все родились в сельской местности, все происходят из семей служителей церкви. Были среди них сыновья пономарей (Е.А. Световидов, М.И. Яворский), дьячков (Р.И. Вербицкий, И.Я. Кастальский, А.В. Крылов, Н.А. Лавров, Ф.Д. Любимцев, В.А. Покровский, В.И. Райковский), дьяконов (А.Е. Бутурлин, И.Д. Орфелинов, В.И. Орлов, М.Г. Покровский, К.А. Северов), но большинство — сыновья священников (Ф.А. Виноградов, В.М. Георгиевский, В.И. Нарбеков, В.Д. Страгородский, Н.А. Успенский, Е.А. Фаворский, Г.А. Фиалковский, И.Н. Флеров, А.Ф. Цедровский). Все окончили сначала уездные училища, затем с аттестатами первого или второго разряда — Нижегородскую духовную семинарию, большинство по

¹ Большинство своих рукописей Макарий посылал в РГО также без подписи, но авторство его легко восстанавливается по почерку, что и сделал Д.К. Зеленин при описании рукописей архива.

² Биографические сведения удалось разыскать по клировым ведомостям Нижегородской епархии, хранящимся в Центральном архиве Нижегородской области (ЦАНО).

классу богословия. Все после окончания были рукоположены в дьяконы или священники и разъехались по сельским приходам, некоторые священствовали там по 30–40 лет до кончины.

Ко времени записи материалов самым молодым (Ф.А. Виноградову, А.А. Садовскому, М.В. Доброзракову, В.И. Райковскому, А.Е. Бутурлину) было по 26–27 лет, большинству за 30. Откликнулся на призыв и пожилой П.С. Смирнов, протоиерей церкви с. Воскресенское Макарьевского уезда, находящийся уже за штатом. Ему было в это время 72 года, причем за работу он принялся с энтузиазмом. «Я, услышав глас <...>, в дремоте и молчании не могу остаться: но беру перо и покушаюсь от многих вопросов, хотя бы на редкие, сделать некоторые очерки, и вопль мой к вам да придет, да последние мои минуты могут быть милому моему отечеству, хотя единою строкою, годны, а старости и дряхлости моей целебны» [РГО, XXIII Нижегородская губ. № 82] — писал он в сопровождении своих материалов.

Названные священники-корреспонденты успели послужить в своих приходах по несколько лет и прекрасно знали материал, который описывали. Крестьянский быт они наблюдали ежедневно, и быт их самих мало чем отличался от крестьянского. В этом отношении показательны слова в некрологе на смерть священника с. Василев Майдан Лукояновского уезда, принимавшего участие в собирании фольклора, Г.Н. Гуляева, сказанные таким же священником, его соседом. Автор некролога отметил, что отец Григорий, сын бедного сельского псаломщика, вырос в нужде. В материальных трудностях прошли и 42 года его жизни в с. Василев Майдан, куда он был рукоположен священником после окончания Нижегородской духовной семинарии. «Приход был бедный, и приходилось часто испытывать нужду, но ничего не заставило его оставить свой первый приход. Прожив более 40 лет среди одной паствы, покойный отец Григорий настолько привык к ней и сроднился с радостями и нуждами своих прихожан, что поистине жил с ними одной жизнью. Он прекрасно знал крестьянское хозяйство и сам всю жизнь в приходе вел свое домашнее и полевое хозяйство, стараясь при этом улучшением своего хозяйства дать пример и крестьянам. Когда был помоложе, сам своими руками сеял семена в поле, пахал землю, возил иногда дрова и воду, словом не чуждался и не боялся никакой работы» [Н-кий 1903: 823].

Некоторым священникам ко времени составления этнографических описаний пришлось поработать в различных селениях и даже в разных уездах. Среди старших по возрасту уже были благочинные, под надзором которых находилось несколько приходов. Кроме того, все знали традицию тех мест, где прошло их детство и юность. Все это да-

вало возможность через сравнение почувствовать местную специфику, поэтому многие в своих описаниях стремились очертить границы той территории, которую характеризуют. Например, свящ. М. Покровский представил в РГО «Описание жителей северной и восточной сторон Арзамасского у. по дороге из Арзамаса в Симбирск» [Зеленин 1915: № 72], свящ. В. Покровский описывает «этнографию сел: Ачки, Кладбищ, Ключева, Богородского и Кузьминок с включением г. Сергача» [Там же. № 8]. Или внутри территории, которую характеризуют, авторы выделяют группы населения, различающиеся говором и обычаями. Так, Н. Успенский приводит «народное подразделение» Семеновского уезда: Монастырщина, Мещера, Чисть и т.п. [Там же. № 81]; свящ. А. Смирнов выделяет в Княгининском уезде «запьянских» (за р. Пьяной) и «заволжских» [Там же. № 83].

Рукописи, присланные в РГО, содержат сходный материал, поскольку выбор определялся программой, но они не равноценны по количеству и качеству записи. Одни авторы ограничились краткими ответами, другие дали подробные описания, охватив широкий круг вопросов крестьянского быта и крестьянской культуры. И все-таки все описания, выполненные священниками, ценны, потому что в совокупности создают картину традиционной культуры в том состоянии, в каком она находилась в середине XIX в. По характеру материала, полноте и качеству выделяются записи священников Н.А. Лаврова (с. Алистево Нижегородского уезда), А.Е. Бутурлина (с. Сурадево Княгининского уезда), В.А. Покровского (с. Ачка Сергачского уезда), В.И. Райковского (с. Кстово Нижегородского уезда), П.С. Смирнова (с. Воскресенское Макарьевского уезда) и, конечно, Е.А. Фаворского — единственного, кому удалось записать былины (он отправил материалы в отделение языка и словесности Академии наук [Смолицкий, Кулагина 2004: 12–59]).

Большинство священников после отправки материалов в 1848–1850 гг. к собиранию фольклора не возвращались, но некоторые сотрудничали с РГО в течение ряда лет. Например, А.Е. Бутурлин — один из самых активных нижегородских корреспондентов. Он собирал фольклор в течение пяти лет (1849–1854) и представил в общей сложности четыре рукописи объемом в 164 страниц [Зеленин 1915: № 64, 137, 149, 152]. В собрании Бутурлина находятся произведения разных жанров, но основным же его пристрастием как собирателя были малые тексты (пословицы, поговорки, загадки, присловья и т.п.), которые он умел подать в бытовом, историческом и обрядовом контексте.

Новая волна обращения людей духовного звания к собиранию фольклорно-этнографических сведений приходится в Нижнем Нов-

городе на последнюю треть XIX в., и связана она с деятельностью известного нижегородского краеведа, этнографа, литератора, председателя Губернской ученой архивной комиссии А.С. Гациского. Он издавал «Нижегородский сборник», в котором печатались материалы по этнографии края, и привлек к краеведческой работе людей разного социального положения, в том числе и служителей церкви. Их круг не был так широк, как в середине XIX в., но интерес к истории края, фольклору и этнографии у них был более определенным и устойчивым.

Среди тех, кто вложил свою лепту в собирание фольклора в эти годы, были, с одной стороны, как и прежде, рядовые сельские священники, с другой — высокообразованные люди, церковные историки, писатели. К последним можно отнести П.А. Альбицкого (1862–1922). Сын сельского дьячка, он окончил Казанскую духовную академию (1886), получил звание кандидата богословия, священствовал и занимался педагогической работой сначала в Самарской губернии, потом в Нижнем Новгороде. Альбицкий был действительным членом Нижегородской ученой архивной комиссии с первых дней ее создания. Много печатался. Круг его интересов был широк, и собирание фольклора составляло часть его краеведческой работы. Записи он вел у себя на родине — в с. Кладбищи Сергачского уезда, фольклорную традицию которого знал с детства. На страницах «Нижегородских губернских ведомостей» Альбицкий опубликовал большую подборку песен разных жанров [Альбицкий 1887], тексты рукописных пчеловодческих заговоров [Альбицкий 1887а], а также очерк «Сергачские медвежатники. Из истории отхожих промыслов» [Альбицкий 1887б], в котором дал описание представлений и приговоры медвежатников.

К такому же кругу собирателей принадлежит Аполлон Федорович Можаровский (1841–1900), магистр богословия, педагог, краевед. Получив духовное образование (окончил Казанскую духовную академию), он оставался светским человеком, но всю жизнь преподавал в духовных учебных заведениях и занимался историей церкви. Он являлся действительным членом Общества археологии, истории и этнографии Казанского университета, членом-соревнователем Общества истории и древностей российских при Московском университете, принимал активное участие в работе Нижегородской губернской ученой архивной комиссии.

Его краеведческие исследования в Нижнем Новгороде касались главным образом истории отдельных сел и приходов. В исторических очерках Можаровский часто приводил местные предания. Разнообразный фольклорный материал содержится в его статье «Сергачская Ачка в

этнографических рамках» [Можаровский 1893]: описание святок, в том числе гаданий и новогодних обходов домов (сбор кокурок), кулачных боев, тексты заговоров, с ними связанных, поверья о колдунах и знахарях, обережные средства от «напуска»; там же приведено апокрифическое сказание «12 пятниц».

Непосредственно по месту своего жительства и службы записи фольклора и этнографических сведений вели в это время священники М. Поспелов, Г. Гуляев, Т. Доброзраков и А. Борисовский, все они были корреспондентами А.С. Гацкого, печатались в «Нижегородском сборнике».

Благодаря деятельности священников в XIX в. был собран большой фольклорно-этнографический материал. Можно говорить, что их записи являются основным источником для характеристики нижегородской фольклорной традиции в XIX в.

Для некоторых собирателей запись фольклорно-этнографических материалов в Нижегородской губернии стала школой, которая готовила их для этнографических исследований в других регионах. Так, В.И. Вербицкий (1827–1890), сын дьячка с. Федяково Нижегородского уезда, выпускник Нижегородской духовной семинарии, в бытность свою учителем в с. Азрапино Лукояновского уезда предоставивший в РГО рукопись «Этнографическое описание с. Азрапина Лукояновского у. ...» [Зеленин 1915: № 96] и опубликовавший статью «Описание обрядов, соблюдаемых при свадьбах с. Азрапина Лукояновского у.», оказавшись в Сибири в составе Алтайскую миссии, занялся этнографией и языками местных народов. Он публиковал в Томских губернских ведомостях фольклор, который, возможно, сам записывал, написал «Краткую грамматику алтайского языка» (Казань, 1869), «Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка» (Казань, 1884) и ряд этнографических трудов [Вербицкий 1893].

Позднее, уже в 1890-е годы, нижегородец А.М. Александров, выходец из семьи церковного служителя, выпускник Казанской духовной академии, записывавший фольклор у себя на родине [Потявин 1960], оказавшись тоже в Сибири, в Приангарье, записывал фольклор и там (в с. Рыбном Енисейского округа и с. Михайлевское Каннского округа). Тексты былины и нескольких исторических песен в его записи были опубликованы в «Живой старине» (1897, Вып. 1: 101–105), остальные сибирские материалы хранятся в архиве РГО (Зеленин 1915: № 148).

Материалы, собранные священниками, к сожалению, в большинстве своем не опубликованы, и о них мало известно.

Библиография

Альбицкий П. Народные песни, записанные в селе Кладбищах Сергачского уезда // НГВ. 1887. № 37, 39, 40, 43, 44, 46, 48.

Альбицкий П. Народные верования, относящиеся к пчеловодству // НГВ. 1887а. № 10.

Альбицкий П.А. Сергачские медвежатники. Из истории отхожих промыслов // НГВ. 1887б. № 7.

Балахна. Исторический очерк // НГВ. 1849. № 69–71; 1850, № 1–2, 4–5.

Алтайские иногородцы: Сб. этнографических статей и исследований алтайского миссионера, протоиерея В.И. Вербицкого. М., 1893.

Город Василь. Исторический очерк // НГВ. 1850. № 19–22, 31.

Зеленин Д.К. Описание рукописей Уч. архива имп. Русского географического общества. Пг., 1915. Вып. 2. (XXIII Нижегородская губ).

Мельников П. Городецкие церкви // НГВ. 1845. № 89.

Можаровский А.Ф. Сергачская Ачка в этнографических рамках // НГВ. 1893. № 41, 45, 50.

Свяц. А. Н-кий // Нижегородские епархиальные ведомости. 1903. № 23. С. 823.

Пискарев П. Описание Троицкого Макарьевского Желтоводского второклассного мужского монастыря // НГВ. 1846. № 49–50.

Потявин В.М. Собрание и изучение фольклора Нижегородского Поволжья в XIX в. / Народная поэзия Горьковской области / Сост. и ред. В. Потявин. Горький, 1960. Вып. 1. С. 371–432.

Розов А.И. Священник в духовной жизни русской деревни. СПб., 2003.

Смолицкий В. Священники записывают фольклор // Православные священники — собиратели русского фольклора: Е.А. Фаворский, А.Н. Соболев, П.А. Флоренский / Сост. В.Г. Смолицкий, А.В. Кулагина. М., 2004. С. 7–11.

Православные священники — собиратели русского фольклора: Е.А. Фаворский, А.Н. Соболев, П.А. Флоренский / Сост. В.Г. Смолицкий, А.В. Кулагина. М., 2004.

Статистическое описание церквей г. Арзамаса, составленное в 1848 г. протоиеромонахом И. Сахаровым. [Предисловие А.А. Титова] // НГВ. 1888. № 5.